

Хасин открыл глаза и какое-то время неподвижно лежал, разглядывая ярко горящие звезды в кристально чистом ночном воздухе великой пустыни. Кроме треска колючего кустарника в небольшом костре, чавканья Абу, да громкого храпа Зейба ал-Каззаба ни один звук не нарушал торжественного молчания пустыни. Свет костра выхватывал из темноты закутанные в шерсть бахимы грязные жилистые руки Абу, жующего зерна джеббы, словно он был одним из стреноженных верблюдов. Хасин еще какое-то время наслаждался прохладой предрассветного часа, предвещающего палящий зной дня, после чего нехотя поднялся на ноги. Показалось ли ему, что на юге, там, где лежала цель их пути, на секунду появилось и тут же исчезло разноцветное сияние?

- Какое совпадение, я как раз собирался тебя хорошенько пнуть, но приберегу пинок для ал-Каззаба. - С этими словами Абу не спеша встал и с размаху ударил Зейба. - Мы близко подошли к нашему делу и нам надо скорее наверстать упущенное вчера время. Еды и воды все меньше, а в этом проклятой богом месте нет никого живого, кроме нас.

И это была правда. Ни зайца, ни лисиц, ни змей. Даже стойкие кустарники попадались на пути все реже. Пустыня способна разделаться с человеком лучше любого убийцы, и Хасин отчетливо помнил лица двоих человек, которых оставили умирать в песках. Возможно, их почерневшие, высушенные трупы найдет кто-то другой и прочитает по ним заупокойную молитву. Однако местность вокруг была еще более убийственной и мертвой, чем в обычной пустыне, если это вообще возможно. Голые скалы и песок, и ничего более, а вдалеке, в ясный день, можно уже разглядеть постройки джиннов, если это, конечно, не еще один морок. Там, среди сказочных сооружений и лежал конец пути отряда. Абу говорил, что пирамиды из стекла и белого камня построили не джинны, а обычные люди из плоти и крови, но Хасин знал, что это не так. Люди не могут жить там, где сам воздух умирает.

Несмотря на слова о потере времени, Абу, прежде чем выступить, заставил всех молиться Гашару, произнося слова Братьев Ветра. Поразительная набожность для того, кто может убить женщину во сне не моргнув и глазом. Но кем были они все, если не убийцами и ворами, раз отважились сунуться в Море Ифрита и попытаться счастья вернуться обратно с несметными богатствами? Честный человек никогда не пойдет так далеко в пустыню.

Закончив молитву, отряд проверил оружие и провизию, после чего все оседлали верблюдов и двинулись в дорогу. Хасин каждый час проверял остроту своего меча - в отличии от изогнутых саيفов его спутников, его меч был прямой, в дань уважения клинкам предков. Он не хотел привязывать его к вьюку на верблюде и вообще расставаться со своим оружием, тем более теперь, когда они так близко от цели, а она уже была отчетлива видна. Огромная пирамида из белого камня, за которой стояли меньшие, красного и желтого цвета, а еще дальше, если взглянуть, находились совсем непонятные, непостижимые разумом постройки, фигуры со множеством углов. Или это был мираж? И над всем этим ослепительно, так, что нельзя было задержать взгляд, сверкали какие-то стеклянные дома. Не может стекло так ярко сверкать, стоя под самумами пустыни, которые царапают и камень и металл, под песчаными смерчами, что могут догнать и засыпать под собой самого быстрого коня. Хасин второй рукой нащупал пистолет и взвел курок. Это было оружие весьма искусной работы, все расписанное вязью, с рукоятью из слоновой кости - несомненно, оно стоило целое состояние. И пусть меч и пистолет вряд ли помогут против джиннов, но это было

лучше, чем идти к ним с голыми руками. К тому же Хасин беспокоился не только о джиннах.

В полдень солнце вошло в зенит, раскаленный песок сиял под его лучами, и сам воздух дрожал и расплывался перед глазами, смазывая очертания странных конструкций впереди. Казалось бы, что вот уж точно жара достигла своего предела, но с каждой следующей минутой становилось все хуже. Зейб ругался последними словами и бросал жадные взгляды на меха с водой, облизывая пересохшие губы. Вдруг один из верблюдов со звуком, походившим на измученный стон, опустился на колени.

- Проклятая скотина.- Абу раздраженно подъехал к севшему животному и тут же замер. Все остановились.

- Что там? - Голос Зейба был хриплым и слабым. - Поднимай его и идем дальше. Вместо ответа Абу бросился к верблюжьему боку, там, где были приторочены меха с водой и упал на колени. Те треснули и живительная влага медленно, словно бы издеваясь над людьми, выливалась в песок.

- Напоролся на камень, проклятье! Да что вы стоите, помогите мне!

Но все попытки собрать утекающую жидкость оказались тщетными, словно насмехаясь она ускользала сквозь пальцы и к тому моменту, как в руках у Хасина был пустой бурдюк, полностью исчезла. Хасин горестно посмотрел сначала на Зейба, на лице которого было отчаяние, потом на Абу, мрачного и злого.

- Что будем делать теперь?

Воды не хватит дойти до цели и вернуться обратно, даже если расходувать её очень экономно. Не хватит на трех человек, это точно. Хасин снова посмотрел на Зейба, на его худую фигуру, вываливающийся язык и тяжелое дыхание.

- Мы идем дальше. - Абу рывком заставил верблюда подняться. - Найдем там оазис, в тех землях. Еще несравненный Шадум говорил про это.

Казалось, прошла целая вечность, пока Хасин медленно кивнул, незаметно убирая руку от пистолета. Зейб издал горестный стон и отряд двинулся в путь.

Они все шли и шли, а пески и не думали кончаться. Казалось, что с каждым шагом пирамиды убегают от них прочь, в жаркое море. К безмерной жажде добавился зуд по всему телу, кожа трескалась и в маленькие ранки набивался песок. Вскоре пал верховой верблюд Абу, однако тот забрал себе животное Зейба. Ал-Каззаб был настолько изможден, что даже не попытался возразить и теперь покорно шел в конце, его ноги утопали в горячем песке. Было ясно, что обратно он не вернется.

Наконец перед ними предстала аллея из полуразрушенных, обветренных и занесенных песком статуй. Даже по их нынешнему состоянию можно было легко понять, что они не принадлежали людям. Головы соколов и львов, лапы крокодилов и прочих созданий вместо рук, змеиные хвосты. Иные восседали на огромных шестиногих зверях с распахнутыми пастями. По краям аллеи было несколько кубических построек, наполовину скрытых от глаз в барханах. А дальше, высотой в четыреста зир, больше дворца шейха, стояла белая пирамида. Все остановились, задрав головы и даже Зейб прекратил что-то шептать себе под нос и с благоговением взирал на величественные постройки древности.

- Ты обещал нам оазис, Абу. - Хасин заговорил первый. - Не знаю, как ты, а я готов убить за глоток свежей прохладной воды, а не той протушей мочи, что у нас в

бурдюках.

Абу неуклюже слез с верблюда - нестерпимая жара сказалась и на нем. Пошатываясь, он двинулся в сторону белой пирамиды, но потом остановился и посмотрел на ковыляющего Зейба. Тот еле стоял на ногах, красных от ожогов и набившегося под одежды песка.

- Великий Шадум сказал, что в этих постройках бьет из самого их сердца чистый родник. - Его губы скривились в кривой улыбке - Я верю словам пророка. Пусть Зейб ал-Каззаб войдет внутрь.

Хасин в это время отстегнул меха с водой и стал жадно глотать вонючую жидкость. Ему было плевать, что скажут на его выходку остальные. Абу не боится джиннов и совершенно напрасно. Такой безбожник должен умереть.

- Я думаю, что лучше это сделать тебе. Ты нашел нас и привел в это место, обещая богатства. Ступай вперед.

К его удивлению, Абу не стал спорить. Бормоча под нос то ли ругательства, то ли молитвы, он, то и дело проваливаясь в глубокий песок, заковылял к одной из меньших построек. Вот он уже зашел в тень длинного коридора и облегченно выдохнул.

- Я же говорил вам - начал он с торжествующим видом и замолк.

Хасин и Зейб наблюдали, как Абу застыл на месте, наполовину развернувшись к ним и обнажив саиф, словно его сковала некая таинственная сила. Улыбка на его лице сменилась выражением ужаса, рот широко раскрылся, а затем Абу начал стремительно стареть. Его кожу на руках и под глазами избороздили морщины, зубы зашатались и выпали, волосы стали белыми. Вскоре одежда Абу начала рваться, плоть сушится и сползает с костей, золотая серьга в ухе и браслеты на пальцах покрылись тонкой нитью разводов и патины, а обнаженный саиф в руке заржавел и сломался. Вот уже его костяк обнажился, замотанный в истлевшие тряпки и сжимающий ржавый клинок, а затем сами кости рассыпались в прах. Не прошло и пятидесяти ударов сердца, как от Абу ни осталось ничего, что напоминало бы о его существовании.

Хасин услышал, как Зейб упал на колени и стал молиться. Он сам был потрясен и напуган, но в глубине души обрадовался, что Абу умер. Пусть Абу и был жестоким и сильным человеком, он слишком часто опасался людей и не боялся джиннов, а его молитвы не были искренними. Гашар наказал его за самонадеянность, за безбожие и за непочтение.

- Идем со мной. - Хасин спрыгнул с верблюда и отстегнул от пояса меч с пистолетом. В его сражении с джинами это не понадобится. Только вера поможет ему выстоять и обхитрить духов пустыни, забрать у них сокровища, пищу и перенестись домой. Однако Зейб не внял его совету. Он упал ниц и стал истово молиться, не отрывая взгляда от темного прохода, куда еще совсем недавно ступил Абу.

- Идем! - Повторил Хасин со злобой в голосе

- Убей меня, но я никуда не пойду. - Воскликнул Зейб, низко опуская голову. - Я не сдвинусь с места в эти *Амуяр!* Гашар великий и все Братья, что на небесах, спаси меня! Я умру тут от жары и жажды, но не сдвинусь с места.

Некоторое время Хасин размышлял, стоит ли помочь несчастному, затем отправился к белой пирамиде. Его губы без усталости шептали слова из книг пророков, слова, приближающие его к Гашару и отгоняющие джиннов. Вот он уже встал у подножия титанической постройки. Никакой двери, ворот или замка. Проход открыт и изнутри

исходит странное золотистое свечение. Вера не даст ему умереть, как это случилось с Абу.

- Гашар, помоги мне. - С этими словами Хасин шагнул вперед.

Увиденное повергало в трепет, даже молитвы на какое-то время забылись. Огромный зал был такой, словно над ним не было властно время. Золотые и бронзовые блюда блестели так ярко, словно их натерли мгновения назад, краска на фресках и керамической посуде блестела, будто бы её только что нанесли. Над всем этим откуда-то лился приятный золотистый свет. Абу не врал, этот дворец поражал своей роскошью. Одной здешней утвари хватит, чтобы скупить всю Ладику.

- Ты за этим сюда пришел? - Шелестящий голос пронесся по залу и Хасин испуганно отступил. Джинны здесь и он не даст застать себя врасплох. Говоривший сидел на высоком троне, украшенном малахитом и лазуритом, и Хасин вначале принял его за искусно сделанную статую. Эти статуи в зале стояли во множестве - одни из них напоминали людей, только были из застывшего песка, другие сотворены из камня, как два существа с головами птиц и конечностями насекомых. - За моим богатством? С шорохом птицеголовые статуи склонились перед тронном, а сидевший на нем начал спускаться по их спинам. Он был иным. Его кожа была гладкой, словно у младенца и вместе с тем походила на застывшее, отполированное стекло. Его глаза не моргали. На голове у него была странная корона, а на шее ожерелье, такое большое, что доходило до открытого живота.

- За моим богатством? - Вопрос повторился, произнесенный на великолепном дауре.

- Я не боюсь тебя, джинн, ибо мне дана власть над духами именем Гашара и его Братьев. - Но, несмотря на свои громкие слова, Хасин вовсе не чувствовал уверенности. Первые трещины нерешительности расползались по броне веры и он почувствовал страх. Изображения слуг на стене провожали его своими плоскими глазами.

- Не боишься? - Тон существа не изменился, такой же размеренный и спокойный, а голос остался мягкий и шелестящий, словно дакийский шелк. - А следовало бы бояться меня, а не твоего бога. Ведь это я - истинный бог людей, Сехет Унис, бессмертный повелитель времени!

Он резко выбросил вперед свою руку со странным посохом в сторону Хасина и тот закричал от ужаса. Разоритель гробниц не мог двигаться, словно что-то намертво сковало его волю

- Ты не умрешь, смертный. Не часто в мои покои заходят осквернители. Я хочу, чтобы ты узрел мое могущество и рассказал обо всем этому жалкому миру!

После этих слов Хасана захлестнула боль, которую не смогли бы причинить и все демоны ада.

Хасин открыл глаза и какое-то время неподвижно лежал, разглядывая ярко горящие звезды в кристально чистом ночном воздухе великой пустыни. Рядом раздавался треск кустарника в костре, чавканье Абу и храп Зейба. Мысли Хасина беспорядочно крутились в голове, потом пришло воспоминание. Узнавание. Они прошли долгий путь, потом Абу умер у него на глазах, а потом был джинн и его сокровища. Было ли это с ними на самом деле, или это ночной кошмар?

- Какое совпадение, я как раз собирался тебя хорошенько пнуть, но приберегу пинок

для ал-Каззаба. - Абу поднялся и навис над Зейбом с занесенным для удара сапогом. Он уже видел это сотни раз. Все повторялось в мельчайших деталях, круг за кругом, в бесконечной петле. И тогда Хасин закричал

Месяц спустя караван, идущий из Ладики в Гхаш и отклонившийся от своего пути нашел занесенные песком, высохшие трупы трех людей и трех верблюдов. Животные были стреножены и умерли от жары и жажды после того, как их хозяева были убиты. Обыскивая тела, караванщики с удивлением поняли, что один из людей набросился на своих компаньонов, зарубив их прямым мечом, а потом пустил себе пулю в сердце. Перешептываясь в суеверном страхе, они не стали брать богато украшенный пистолет и саифы с камнями в рукоятях. Эти люди были прокляты злом с юга, а значит, их сокровища должны быть похоронены под дюнами великой пустыни.

Рассказывают историю одного эмира, который посмеялся над историей Пророка, когда Пророк за одну ночь преодолел весь земной круг, сферы неба и достиг подножия Гашура. На пир эмира явился незванный гость - старик-отшельник, который предложил ему выпить воды из оазиса в пустыне. Испив, эмир потерял сознание, а очнулся он в стране, где его приняли светлоокие джинны. Прожив среди всю жизнь, он завел себе детей, состарился, и когда его час пробил, вновь онулся на каменном полу своего дворца. Всего два вдоха прошло в мире смертных, в то время как для него минула целая жизнь со всеми ею горестями и радостями. Пророк знал места, где время течет иначе, чем его задают движение солнца и звезд по небосводу